

СКРЕЩЕНИЕ СУДЕБ И ИДЕЙ

Аннотация. *Этим летом мне довелось заполучить интереснейшее чтение. Книга, о которой идет речь, сочетает в себе черты многих жанров. Вот строчки: «Преданная своей любви и своему любимому молодая женщина тоже хранила тайну не хуже опытного конспиратора. Бурный, от всех скрываемый и явно бесперспективный роман стал для обоих, но особенно для нее, очень серьезным жизненным испытанием. Внешне он развивался по довольно обычной, если не сказать банальной для таких случаев схеме. Обставленные всяческими предосторожностями, встречи любовников в мансарде продолжались». Про что это — любовный роман? Да, именно так — о чувстве, которое отразилось на судьбе двух известных людей. Но книга не только о приключениях любви. Ее можно отнести к уникальному изложению, которое вслед за К. Ясперсом хочется назвать «биографикой». История двух выдающихся философов, их жизненные развилки, подробности быта, научной и общественной жизни. Книга на самом деле сочетает в себе рассказ о личностных чертах, социальных перипетиях и подробностях повседневности, связанных с Мартином Хайдеггером и Ханной Арентс. К ключевым словам философского творчества М. Хайдеггера — бытие, время — Н.В. Мотрошилова добавила еще одно, которое в своей реализации и придает книге особое очарование — любовь. Но данное издание есть прежде всего теоретическое исследование. После давних опытов А.В. Гулыги и Ю.Н. Давыдова, которые анализировали не только философские идеи, но и сопутствующие им подробности эпохи, труд Н.В. Мотрошиловой является, на мой взгляд, принципиально новым этапом в освоении западной философии. В минувшие времена отечественные философы в лучшем случае располагали текстами. О жизни западных коллег мы знали немного. Да и само обращение*

к подробностям их жизни не поощрялось. Теперь же от изложения философских концептов проложен путь к трепетному, живому и разностороннему постижению индивидуальных скрещений судеб и идей. В таком контексте книга Н.В. Мотрошиловой — своеобразный эталон философского исследования. Книга выпущена в ознаменовании года Германии в России.

Ключевые слова: философия, бытие, время, любовь, гуманизм, теология, техника, зло, тотализм, экзистенциалы.

Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт. Бытие-время-любовь. М., 2013. 526 с. плюс 16 п. вкл. (тираж 2000 экз.).

В центре первых частей книги — судьбоносная встреча 36-летнего профессора университета в Марбурге и его 19-летней студентки Х. Арендт, их краткий роман и расставание. Этот любовный сюжет интересен не только как жизненное событие. Вскипев у источника, роман не остался простым житейским приключением. В 50-х г. вновь вспыхнули и нашли яркое и ясное проявление — в виде писем, стихов — воскреснувшие любовные переживания. Сохранившаяся переписка, особенно письма М. Хайдеггера, — животворный импульс к пониманию его сложной судьбы и философской рефлексии. Поэзия, как известно, из творческого опыта немецкого философа, не является отклонением от теоретического размышления, а, напротив, дополняет его, раздвигая метафизический горизонт.

Н.В. Мотрошилова специально подчеркивает: «В самый разгар любви вынашивалось, создавалось выдающееся произведение «Бытие и время», в котором нашли преломление преобразующие философские идеи Хайдеггера и «музой» которого по праву называют Ханну Арендт». Эта мысль повторяется в работе не единожды. Но каждый раз требует разбора и уточнений. Романтическое сближение и трагический развод судеб героев исследования сопровождается в книге Н.В. Мотрошиловой повествованием о преднацистском, нацистском и военном периодах сумрачной истории Германии и всего мира. Она исследует внутренний контекст развития немецкой философии в те драматические годы. Произведения раннего М. Хайдеггера, и прежде всего «Бытие и время», Н.В. Мотрошилова рассматривает и расшифровывает через оптику исторического времени, отмечая влияние событий и внутреннего преобразования самой истории.

Оценивая период творчества Хайдеггера в Марбурге, исследовательница показывает не только основные творческие результаты, достигнутые им,

но характеризует «сильнейшее воодушевление», которое он тогда испытывал. Многие студенты Хайдеггера отмечали, что от него в то время исходили не только мощные волны новаторского философствования, но и лучи огромной жизненной энергии, концентрированной личностной воли. Но Н.В. Мотрошилову интересуют не только философские идеи, ее занимает также и «биографика». Сохранились примечательные фотографии. Н.В. Мотрошилова пишет: «На первом снимке Хайдеггер — достаточно привлекательный, моложавый мужчина, аккуратно подстриженный, с небольшими усами. Он принял как бы непринужденную, но обдуманную позу: правая рука за спиной, левая в кармане брюк. В те годы Хайдеггер — плотный, кряжистый, но все же подтянутый, возможно, потому что быстр, подвижен, регулярно занимается спортом. (В более зрелом возрасте он обретет солидность и полноту, впрочем, не безобразную)¹. Спрашивается, где в прошлом можно было прочитать такие строчки о Хайдеггере?»

Однако в характеристике Хайдеггера преобладают отнюдь не пасторальные краски. Отмечаются амбициозность, подчас arrogantность и другие его личностные особенности. Духовное одиночество Хайдеггера было нарушено дружеской перепиской с К. Ясперсом. Так начался процесс общения двух философов, испытавших на себе тягостное влияние социальных и личностных конфликтов XX в. И снова Н.В. Мотрошилова тяготеет не к бытописательству. Она выражает свою оценку конкретного поведения этих двух выдающихся философов, отмечая, в частности, сдержанность и самокритичность К. Ясперса. Подробности повседневного общения исследовательница талантливо обрамляет теоретическими выводами. В частности, она показывает, что Э. Гуссерль создал оригинальный, по сравнению с традицией, тип феноменологического исследования. Он, что совершенно очевидно в наши дни, разработал теоретические основания, методы и модели феноменологии.

С такой же обстоятельностью и приметливостью Н.В. Мотрошилова описывает время пребывания

¹ Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт. Бытие — время — любовь. М., 2013. С. 11.

Х. Арндт в Марбургском университете. Мы узнаем о картинной красоте юной студентки, о тонко очерченном овале нежного лица, огромных лучистых темных глазах и элегантно скрещенных стройных длинных ногах Ханны. Затем начинается любовная история, вызвавшая письма Хайдеггера, адресованные любимой девушке. Приводя в книге и оценивая их, Н.В. Мотрошилова замечает: «Что это — письмо к любимой женщине или отрывок из экзистенциалистского трактата? И то и другое!». Чтение чужих любовных писем (впрочем, опубликованных с согласия адресатов) требует особой осторожности в комментариях и оценках. Исследовательница сохраняет нужную дистанцию и должную интонацию. У нее нет, слава Богу, стремления романтизировать эту связь настолько, чтобы «демонизировать», скажем, семейные отношения Хайдеггера или задеть лишь чувствительные струны души эмоционально чутких читателей. Н.В. Мотрошилова не теряет при этом из виду любую возможность обратиться к философским текстам. Есть множество свидетельств того, — отмечает она, — что и пережитая любовь, ее жизненные оттенки своеобразно сублимируются, трансформируются в экзистенциально-онтологические идеи, озарив светом подлинности оригинальные категории, «экзистенциалы» неподражаемой хайдеггеровской философии².

Это действительно редкий и пронзительный случай, когда происходит возгонка любовного страдания в экзистенциальный опыт, когда одновременно два мыслителя используют собственные переживания для метафизического вопрошания, для закрепления тех идей, которые явились результатом их теоретической рефлексии. Интрига в том, что сообщая друг другу о своих идеях, оба философа одновременно отвечают и на персональные вызовы, на рописание собственной души.

Можно полагать, что книга Н.В. Мотрошиловой посвящена Хайдеггеру, а Ханна Арндт присутствует в исследовании как лирическая подробность, как некий штрих к творчеству выдающегося философа. Но замысел книги не имеет ничего общего с таким представлением. Исследование рождает чувство благодарности Н.В. Мотрошиловой, которая поставила ученицу Хайдеггера в один ряд с ним, раскрыла богатство собственных идей Х. Арндт. Об этой женщине написано немало. Ей посвящены отдельные издания, исследовательские статьи. Но, пожалуй, впервые она названа, как и Хайдеггер, выдающимся философом. Но главное

мы узнаем из книги — как рождались на свет те или иные философские идеи, как они кристаллизовались, обретали отточенность. Нам внятно, что без близости этих людей философский арсенал был бы иным. При этом мыслитель Хайдеггер был ангажирован нацизмом, а Ханна Арндт стала истовым противником тоталитаризма как социального явления.

Разбор творчества Х. Арндт начинается у Н.В. Мотрошиловой с первых арндтовских теоретических попыток. Сочинение «Тени» рассматривается в книге как выражение изболевшей женской души. В работе отражен опыт общения с профессором его студентки, которая всем сердцем приняла и осмыслила зарю новой экзистенциальной философии. Она вместе с тем пропустила экзистенциальные смыслы через свою жизнь, через свои глубочайшие и сокровенные переживания. Размышляя над этим сочинением, Н.В. Мотрошилова характеризует его как повествование о мироощущениях молодой женщины, о ее отчаянии, неприкаянности. В такой заколдованности, в отдалении от человеческого, в абсурде она не знала для себя никаких ограничений и пределов. Сама работа, может быть, и не заслуживала бы высокой историко-философской оценки. Но она получила продолжение. Острое, но замкнутое внутри собственного мира, ощущение опустошенности, душевного краха позволили в процессе жизни выявить диалектику таких душевных состояний, их внутреннюю перетекаемость в зрелую теоретическую позицию.

Не только изложение самой работы, но и ее экспертиза выполнены Н.В. Мотрошиловой с блеском, художественным очарованием и душевной откликнутостью. Речь в данном случае идет не об отвлеченной героине сочинения, за которой угадывается Х. Арндт. По сути дела возникает образ целого поколения, который стоит на пороге трагических испытаний и невероятных душевных потрясений. Два человека, полюбив друг друга в молодости, а впоследствии разлученные жестокой судьбой, до самой смерти так и не утратят своей любви. Перед этим несомненным фактом, подчеркивает Н.В. Мотрошилова, мы останавливаемся и склоняем голову — кто с завистью, кто с сочувствием, а кто с глубоким пониманием-переживанием³.

Эпистолярные источники помогают исследовательнице не только проследить и диагностировать отношения философа и его ученицы. Они дают возможность также глубже раскрыть харак-

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 60.

тер Хайдеггера в его письмах, адресованных жене. Здесь отражена не только идиллическая сторона брака. Обрисованы и кризисные обстоятельства семейного союза. Но сквозь эти подробности жизни неизменно проступает главный мотив, заставляющий мыслителя строить амбициозные планы, мечтать о коренном преобразовании философии. Им владеет сознание «служения» высоким целям. Но Хайдеггер ощущает одиночество в реализации собственной миссии. У него нет необходимой поддержки. В таком же душевном состоянии пребывала, мы помним, и Ханна Арендт.

Касаюсь пребывания Х. Арендт в Гейдельбурге, Н.В. Мотрошилова рассказывает о ее дружбе с К. Ясперсом. Касается также и ее диссертации «Понятие любви у Августина. Философская интерпретация». Выбор темы вновь обеспечивает переключку с недавней любовью. Эта тема во всех смыслах и отношениях отсылает к Хайдеггеру, поскольку Августин всю жизнь оставался одним из любимых авторов ее первого учителя. Наваждение любви не покидает Ханну Арендт. Она не в состоянии до конца освободиться от этого чувства. Но будучи разлученными, два философа следуют собственной путеводной нити на поприще философии. Они сохраняют относительное единомыслие, которое впоследствии не выдержит окончательных испытаний.

Произведениям Х. Арендт уделено в книге беспорное внимание. Но здесь нет привычной демаркации, отдельно о Хайдеггере, отдельно об Арендт. Анализ их работ идет как бы попеременно, бал правит логика идей, их развитие. Вот почему структура книги вызывает у меня ощущение, будто мы имеем дело с фугой. Главная тема сопряжена с раскрытием смысла философских идей. Ей сопутствует, но уже в качестве подчиненной, лирическая тема — история любви. Эти мотивы встречаются, разбегаются, в полную мощь заявляя о себе, чтобы встретиться вновь и принести каждой теме закономерное обогащение.

В четвертой главе книги доминирует главная тема — анализ работы Хайдеггера «Бытие и время». Несмотря на имеющиеся теоретические публикации, эта тема разработана недостаточно. «Тема столь трудна, — отмечает Н.В. Мотрошилова, — что результатам своего исследования, притом касающегося совокупности конкретных вопросов, могу придать лишь форму гипотезы, значение которой, опираясь на музыкальные ассоциации, возможно уподобить прорыву одной, а именно лирико-драматической мелодии в поистине симфоническое многообразие

хайдеггеровского философствования, «Бытия и времени» в частности и в особенности»⁴.

Исследовательское движение мысли Н.В. Мотрошиловой рождает неустанный интерес. Хайдеггер, как она показывает, сопрягает вопрос о бытии с «возобновлением». Идеи Платона и Аристотеля, в их обращении к осмыслению понятия бытия, продержались, полагает автор «Бытия и времени», вплоть до «Науки логики» Гегеля. До прошедшего столетия категория бытия в основном осмысливалась в абстрактно-онтологическом ключе⁵. Но уже в феноменологии Э. Гуссерля («интенциональность сознания») и в экзистенциализме («забота» Хайдеггера, «тошнота» Сартра) она стала основной в философских исследованиях самых различных модусов существования человека и его сознания⁶.

В анализе этой фундаментальной категории философия действительно прошла определенный цикл: бытие как материальная (вещественная) сущность, бытие — субстанция жизни, бытие — система экзистенциалов человеческого духа. Западные философы, начиная с Парменида и Платона, всегда занимались этой, как назвал ее А. Вебер, эксманентной, отделенной от непосредственно данной «действительности» трансцендентностью бытия⁷. По мнению, немецкого социолога, в экзистенциализме произошло значительное суживание этой проблемы по сравнению с учением Платона. Вместе с тем Хайдеггер в более позднее время творчества открыл новые для его теории измерения бытия. «Понятие немецкого оригинала «das Sein» (правильно и бесппроблемно переводимое и у Библихина словом «бытие»), — пишет Н.В. Мотрошилова, — блестяще, оригинально осмысливалось у Хайдеггера в его сложной, многомерной структуре и фундаментальной значимости для философии. Что тоже вряд ли могло вызывать трудности и недоуменные вопросы, поскольку в целом отвечало вековым философским традициям»⁸.

Термины Хайдеггера, которые сопутствовали осмыслению бытия — сущее (Seiende), существование (Existenz) — в целом казались исторически

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 279, 287.

⁶ Яковлев В.А. Сакральное триединство бытия // Философия и культура. 2013. № 6. С. 747.

⁷ Вебер А. Избранное: Кризис европейской культуры. М.-СПб, 2012. С. 261.

⁸ Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт. Бытие — время — любовь. М., 2013. С. 80.

знакомыми. Но уже возвещали о сутубой необычности хайдеггеровских бытийных экспозиций. Хайдеггер, как отмечает исследовательница, начал весьма необычно эксплицировать суть и значимость понятия «Dasein» как для философии вообще, так и для ее нового понятийного и дисциплинарного основания, который Хайдеггер именовал «фундаментальной онтологией».

Понятийный анализ, проведенный Н.В. Мотрошиловой, показал, что термины «Dasein» и «Existenz» бытовали в европейской философии и до Хайдеггера (Кант, Гегель). Но по отношению к этим традициям немецкой классической философии Хайдеггер достаточно радикален в своем их переосмыслении. «Dasein» оказывается не «одним из понятий» онтологии и философии, а их поистине фундаментальным теоретико-понятийным основанием. (Н.В. Мотрошилова убедительно показывает неприемлемость философского усилия В.В. Бибихина перевести понятие «Dasein» русским словом «присутствие»). Хайдеггер считал, что философия всегда была учением о бытии. Поэтому суть понятия «Dasein» можно прояснить с позиции многовековых и новых онтологических традиций философии.

Заслуга Н.В. Мотрошиловой здесь не только в том, что она на новом витке времени сумела очистить основные понятия Хайдеггера от приблизительных интерпретаций, придав им строгость и адекватность. Вместе с тем ей удалось выявить внутреннюю сцепку этих понятий, их диалектичность. Так была схвачена неотторжимость этих понятий друг от друга. Оказалось, что понятийный строй обладает литургической стройностью и точностью. Например, касаясь темы «бытие самости», исследовательница пишет: «Под этой понятийной формулой Хайдеггер опять-таки разбирает вопросы, издавна интересовавшие философию, но поставленные и осмысленные им по-новому. В смысле новизны для нашего контекста особенно существенно то, что Хайдеггер ставит и решает их лично, очень остро, смысложизненно. Но философская абстрактность остается, в силу чего завязывается целый узел противоречий, опять-таки релевантных нашей теме»⁹.

Глубокое аналитическое прочтение труда М. Хайдеггера вносит необходимую ясность по многим вопросам, которые волнуют философов. Здесь Н.В. Мотрошилова обнаруживает гроссмейстерскую успешность. Она показывает, что «Dasein»,

необходимо и изначально включенное в бытие-в-мире, тоже сразу и изначально явлено как «Mit-Dasein», т.е. бытие-вместе-с другими». Хайдеггер то и дело подчеркивает, что понимать это понятие надо «экзистенциально», а не категориально. Иначе говоря, надо держаться индивидуального человеческого «Dasein», а не некоего безличного «Sein», господствовавшее в традиционных (и некоторых современных) учениях о бытии. Столь же содержательно анализируется «das Man». Перевод этого понятия словом «люди» затемняет смысл и неповторимость хайдеггеровского оригинала.

В силу полифонической логики Н.В. Мотрошилова вновь обращается к личностным отношениям Хайдеггера и Арендт, чтобы обнаружить бытийные раскладки «Бытия и времени». Х. Арендт затрагивает тему одиночества. Несомненно, что характер одиночества круг. Мучительное состояние отверженности и отдаленности было хорошо прокомментировано Ханной Арендт в её работе «Тени». Хайдеггер солидарен с тем, что одиночество переживается каждым человеком как «незаконное», «несправедливое» чувство. Но в «Бытии и времени» на этот экзистенциальный запрос Хайдеггер ответит: одиночество в его философском, бытийном изображении — не что иное, как обратная и парадоксальная сторона «Mitdasein», «хранения дистанции» и противостояния диктатуре «Man».

В экзистенциальном смысле одиночество не может рассматриваться только как «пустынное», разрушающее переживание. Именно так понимал это состояние Шопенгауэр. Сходное состояние почувствовал и Лермонтов, который с юных лет, по его собственным признаниям, любил уединенье. Отход от социальной среды вместе с тем выражает тоску по духовному обмену, по истинной коммуникации, по душевной перекличке. Одиночество есть призыв к публичности, к общению и одновременно отказ от ложных связей, от стереотипных обозначений «общности», мнимых и принудительных союзов.

Значительное место в книге Н.В. Мотрошиловой занимает терминологическое и концептуальное различие двух экзистенциалов Angst и Furcht. Осмысление этих состояний имеет давнюю философскую традицию. По сути дела речь идет о двух чувствах: конкретном, причинном страхе и страхе трепетном, беспричинном, экзистенциальном. С. Кьёркегор видел разницу между этими двумя видами страха, один из которых безотчетный страх — тоска, ужас, жуть (Angst) и страх боязни (Furcht), который вызывается конкретным предметом или реальной причиной. В числе многих

⁹ Там же. С. 85.

определений человека есть обозначение его как существа, испытывающего страх. Но разве животное не знает этого состояния? Тяжело смотреть в глаза животного, испытывающего страх. Но человек способен погружаться в такое переживание, которое предельно индивидуализировано и носит трепетный, экзистенциальный характер.

Н.А. Бердяев отмечал, что в русском языке нет слова, которое соответствует немецкому Angst. Попытку развести два слова, отражающие состояния страха, предпринял в свое время В.В. Библихин. Он закрепил за экзистенциалом Angst русское слово «ужас». Признаться, я в своих работах последовал за этим переводом¹⁰. Между тем Н.В. Мотрошилова справедливо считает такой перевод неудачным. Он не соответствует тому разъясненному ранее содержательному смыслу двух экзистенциалов, каким их наделил Хайдеггер. По мнению автора монографии, слово Angst следует переводить как «страх», а второе слово Furcht — как «ужас».

Проблема страха нашла отражение также и в философии М. Хайдеггера. Н.В. Мотрошилова дает развернутую экспертизу этого экзистенциала. Она освещает хайдеггерианский вопрос: «За что или чего все-таки страшится Dasein?»¹¹ Согласно Хайдеггеру, страх порождается бытием и, в отличие от боязни, указывает на него и открывается ему. Как таковой страх также отличается от ужаса, понимаемого Хайдеггером как одно из фундаментальных философских настроений. Посредством страха раскрывается последняя возможность экзистенции — смерть.

Бывает ли в нашем бытии такая настроенность, спрашивает Хайдеггер, которая способна приблизить его к самому Ничто?¹² Философ отвечает: это может происходить и действительно происходит — хотя достаточно редко, только на мгновения, — в фундаментальном настроении ужаса. Под «ужасом» Хайдеггер понимает не ту слишком частую способность ужасаться, которая по сути дела сродни избытку боязливости. Ужас в корне отличен от боязни. Мы боимся всегда того или другого конкретного сущего, которое нам в том или определенном отношении угрожает. Страх перед чем-то касается всегда каких-то определенных вещей. Поэтому боязни и страху присуща эта очерченность причины и предмета, боязливый и

робкий прочно связаны вещами, среди которых находятся. В стремлении спастись от чего-то — это этого вот — они теряются и в отношении другого, т.е. в целом «теряют голову».

При ужасе для такой сумятицы, подчеркивает Хайдеггер, уже нет места. Чаще всего, как раз наоборот, ужасу присущ какой-то оцепенелый покой. Хотя ужас это ужас всегда перед чем-то, но не перед этой вот конкретной вещью. Ужас перед чем-то есть всегда ужас от чего-то, но не от этой вот определенной угрозы. И неопределенность того, перед чем и от чего берет нас ужас, есть, по Хайдеггеру, не просто недостаток определенности, а принципиальная невозможность что бы то ни было определить. Она дает о себе знать в нижеприведенной общеизвестной формуле.

В ужасе, говорим мы, «человеку дается жутко». Что «делает себя» жутким и какому человеку? Мы не можем сказать, перед чем человеку жутко. Вообще делается жутко. Все вещи и мы сами тонем в каком-то безразличии. Тонем, однако, не в смысле простого исчезания, а вещи поворачиваются к нам этим своим оседанием как таковым. «Проседание сущего в целом насаждает на нас при ужасе, подавляет нас. Не остается ничего для опоры. Остается и захлестывает нас — среди ускользания сущего — только это «ничего»¹³

Ужасом приоткрывается Ничто. В ужасе «земля уходит из-под ног». Точнее: ужас уводит у нас землю из-под ног, потому что заставляет ускользать сущее в целом. Отсюда и мы сами с общим провалом сущего тоже ускользаем сами от себя. Жутко делается поэтому в принципе не «тебе» и «мне», а «человеку». Только наше чистое присутствие в потрясении этого провала, когда ему уже не на что опереться, все еще тут.

Ужас, считает Хайдеггер, перебивает в нас способность речи. Поскольку сущее в целом ускользает и надвигается прямое Ничто, перед его лицом умолкает всякое говорение с его «есть». То, что, охваченные жутью, мы часто силимся нарушить пустую тишину ужаса именно все равно какими словами, только подчеркивает подступание Ничто. Что ужасом приоткрывается Ничто, человек сам подтверждает сразу же, как только ужас отступит. С ясностью понимания, держащейся на свежести воспоминания, мы вынуждены признать: там, перед чем и по поводу чего нас охватил ужас, не было, «собственно» ничего. Так оно и есть: само Ничто — как таковое — явилось нам.

¹⁰ См.: Страх. Антология. Философские маргиналии профессора П.С. Гуревича. М., 1998.

¹¹ Там же. С. 97.

¹² Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления / сост., перевод В.В. Библихина. М., 1993. С. 20.

¹³ Там же.

Хайдеггер показывает, что ничто о себе дает знать в настроении ужаса — но не как сущее. Равным образом оно не выступает и как предмет анализа. При ужасе сущее в целом становится шатким. В ужасе происходит отшатывание от чего-то, но это отшатывание — не бегство, а оцепенелый покой. Отшатывание происходит от Ничто. Ничто не затягивает в себя, а сообразно своему существу отсылает от себя.

Н.В. Мотрошилова анализирует и другие экзистенциалы, освещенные Хайдеггером. Так оценка смерти у немецкого философа расходится с обыденным ее пониманием. Специфика фундаментально-онтологического подхода Хайдеггера в данном случае иная. Он рассматривает смерть в широчайшем смысле как феномен жизни. Исследовательница подчеркивает, что свои способности социального понимания Х. Арндт обнаружит позже. Но что касается экзистенциала любви, то здесь оба героя книги были глубоко и паритетно охвачены им. Но вот парадокс, на который указывает Н.В. Мотрошилова: этот экзистенциал не получил разработки на страницах «Бытия и времени» в море самых drobных иных трепетных состояний. Здесь вступает в свои права умолчание, но отнюдь не безразличие.

В пятой главе Н.В. Мотрошилова ведет речь о «существенном отличии философии и личности Мартина Хайдеггера, которое — именно подобно корневой системе — несет на себе и питает собою частные ответвления идей, личностных ориентаций в и при всех изменениях подходов и позиций обеспечивает уникальный сплав раннего и позднего творчества выдающегося философа»¹⁴.

Исследовательница не забывает ни об одной из заявленных сюжетных нитей. Она возвращается к Х. Арндт, к ее хождению по мукам. Автор рассказывает о десятилетнем пребывании ее в США. Вторая часть книги повествует о послевоенном личностном и философском общении М. Хайдеггера, прошедшего через наказания за его нацистские увлечения и вновь обретшего статус выдающегося мыслителя, и Х. Арндт, изгнанной нацистами из Европы в США и выросшей там в виднейшего социального философа. Н.В. Мотрошилова показывает, как Х. Арндт в своих работах создавала — параллельно концепции бытия М. Хайдеггера и в явной, а чаще замаскированной полемике с ним, — свою теорию социально-исторического бытия. И снова

в анализ идей и концепций вплетен личностный рассказ о жизни, о неумолкнувшей и звучащей также и в «осенний» период жизни мыслителей мелодии Любви.

В третьей части книги рассказано о том, как возникло общение и началась новая переписка между героями исследования в 50-60 годах XX в. Им предстояло, как пишет Н.В. Мотрошилова, проверить на прочность человеческие, любовно-дружеские, экзистенциально-духовные узы, соединившие их еще в весеннюю пору любви. Оказывается, Хайдеггер писал стихи, посвященные Х. Арндт, которые получили признание у поэтических критиков. Судьба — прихотливый режиссер, она привела к охлаждению отношений между Ханной и Мартином. Речь в исследовании идет уже о серьезной философской теме — о «радикализации» зла, о превращении человека в нечто излишнее.

Таким образом, мы подходим к разностороннему анализу творчества Х. Арндт, осуществленному Н.В. Мотрошиловой. Четвертая часть называется — «Мир идей и концепций Ханны Арндт: истоки, содержание, значение». Автор книги анализирует духовные, идейные истоки и изначальные влияния на Х. Арндт. Н.В. Мотрошилова показывает, как героине исследования удалось осуществить фундаментальную критику «чистого экзистенциально-философского разума». Особого внимания здесь заслуживают, на мой взгляд, размышления Х. Арндт о том, чтобы противостоять растворению человека в ряду модусов бытия. Так, она, согласно Н.В. Мотрошиловой, стремилась уйти от споров об онтологии, о «модусах бытия» к самым животрепещущим вопросам «бытийствования» человека¹⁵.

Х. Арндт выражает свое отношение и экзистенциальной философии К. Ясперса. Она считала, что Ясперс удачно и перспективно находит новые возможности в понятии «коммуникации», анализе ее форм, в специфической опосредующей коммуникативной роли философии. Его учение, полагала Х. Арндт, позволяло создать существенно обновленную философию человека, предупреждало глубокие падения и отпадения от человеческого призвания. Эти мудрые и провидческие мысли Х. Арндт, действительно подтвердились более поздними работами К. Ясперса послевоенного периода.

Н.В. Мотрошилова высоко оценивает идейный, теоретический, ценностно-моральный, публицистический вклад Х. Арндт в историю мысли XX в.

¹⁴ Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арндт. Бытие — время — любовь. М., 2013. С. 115.

¹⁵ Там же. С. 208.

Тоталитаризм характеризуется в ее работах как особая система власти, специфический образ жизни (с соответствующими идеологическими, идейно-ценностными элементами, формами поведения и сознания), которые в наиболее концентрированной форме сложились и проявили себя в сильнейшем негативном историческом действии в странах Европы в 30-х, 40-х и даже в 50-х годах минувшего века. Многие эксперты в прошлом и в наши дни отметили общецивилизационное значение ее анализа. Особую роль сыграла работа о банальности зла.

«Первый вопрос, — пишет Н.В. Мотрошилова, — который возникал и возникает в умах читателей, затрагивал уже закрепленное подзаголовком книги Арендт сочетание этих двух слов: а может ли зло быть «банальным», особенно в социально-исторических или индивидуальных случаях, когда оно выступает и по праву считается «чудовищным», беспрецедентным по масштабу жертв, жестокости, попрания множества норм, ценностей человечества — юридических, моральных, словом, цивилизационных принципов, устоев и ценностей?»¹⁶.

Тема «банального зла» и новой угрозы тоталитаризма в последние годы неоднократно находила отражение в моих публикациях¹⁷. К экспертизе Х. Арендт приходится возвращаться, поскольку рецидивы этого феномена находят отражение в современной социальной практике в форме культа вождизма, жесткой авторитарности или «дружелюбного фашизма». Последний термин рожден в США, о чем свидетельствуют работы американского политолога Бертрама Гросса и других исследователей.

Эрих Фромм пытался доказать, что в патриархальных обществах не было вождей в привычном сегодня смысле слова. Он писал о дисперсии (растекании) власти. Однако современные культурфилософские исследования не подтверждают этой загадки. Властолюбие — феномен не только социальный, этический, культурологический. Догадки Ницше и Адлера о властолюбии как антропологическом явлении не лишены оснований. Не потому ли вполне нейтральное по своим истокам понятие харизмы утратило свой первоначальный смысл и стало своеобразным оправданием тиранства, цепкой и безудержной

власти. Удалось ли современной философии освоить огромный пласт литературы, рожденный после второй мировой войны? Смогли ли диагносты и экзегеты власти, как они надеялись, поставить крест на повторном явлении тоталитаризма, доказывая его ущербность и недолговечность? Сумел ли постмодернизм, который как будто находится на излете, дать развернутую феноменологию причин, ведущих к возрождению тоталитарного мышления и жесткой политической практики?

Исследователи подчеркивают, что вождь — это историческая эпоха, а не усредненный политический персонаж. Они стремятся выявить признаки тоталитаризма как сложного комплекса социальных слагаемых. Говорят, что в России сегодня невозможно установить диктатуру, даже опираясь на идеологию модернизации. Однако нет ли резона в предостережении Артура Шопенгауэра, который считал, что очередная война начнется тотчас же, как подрастает новое поколение, не имевшее опыта бедствий и страданий? Стоит ли с академическим спокойствием ждать, когда сумма разрозненных факторов сложится в некий скорбный для человечества результат?

Политическая практика рождает сегодня не только узурпаторов власти, но и опасную деформацию личностей, претендующих на роль поводырей человечества. Не грозит ли это новыми, пока неизвестными нам историческими катаклизмами? Политическая философия, как это очевидно, находится перед новыми вызовами.

«Суть современной проблемы и ее исторические истоки, — подчеркивает Н.В. Мотрошилова, — в массовости проникновения, так сказать, в поры цивилизации последних веков антигуманных (в крайнем выражении варварских) способов, форм, эффектов действия. На их фоне стремительно снижается порог восприятия и неприятия, чувствительности очень многих людей и социальных объединений к чудовищным деяниям и варварским методам жизнедеятельности»¹⁸. Автор исследования перечисляет эти формы банального зла в современной общественной практике.

В шестой части Н.В. Мотрошилова анализирует книгу Х. Арендт «Vita activa, или О деятельной жизни». Сначала отечественная исследовательница показывает различие, которое характеризует отношение к истории философии со стороны обоих мыслителей. Хотя их позиции близки, но они

¹⁶ Там же. С. 239.

¹⁷ См.: Круглый стол «Власть и реальность» (Ведущий П.С. Гуревич) // Вестник аналитики. 2010. № 2. С. 89-111; Гуревич П.С. Политическая психология. М.: Юрайт, 2013.

¹⁸ Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт. Бытие — время — любовь. М., 2013. С. 241.

не сходны. Н.В. Мотрошилова показывает через ссылку на Г.-Г. Гадамера, что в немецкой философии отнюдь не Хайдеггер «повернул взгляд к грекам». Вместе с тем одновременно с Хайдеггером пробилось нечто новое, новая близость и новое критическое опрашивание греческого начала.

Н.В. Мотрошилова приходит к выводу, что размежевание интенций Х. Арндт с философскими устремлениями Хайдеггера было весьма радикальным. Х. Арндт задумала и написала работу о деятельной жизни, чтобы осмыслить непреходящие и постоянно меняющиеся структуры человеческого бытия. В самом общем виде ее учение можно квалифицировать как разновидность социально-исторической теории бытия. Согласно Х. Арндт, есть три типа человеческой деятельности, вокруг которых возникли, оформились и зримо локализовались именно материально-бытийные области жизни. Х. Арндт пишет о том, что Платон и Аристотель знали, что человек не может жить вне человеческого общества. Но они, по ее мнению, считали склонность к совместной жизни общей для человека и животных. Новое время, согласно Х. Арндт, практически не отличается общественное от политического. Так, в полемике с Аристотелем или с неверно воспринятым его суждением о «политическом животном» оспаривается примат социальности в человеческом бытии вообще. Добавим к этому, что современные антропологи тоже склоняются к мысли, что человек скорее индивидуалист, нежели коллективист и что наши предки сторонились коллективной формы существования.

Х. Арндт считает, что для обеспечения «естественных», жизнью тела продиктованных потребностей, природные вещи уже должны быть «излечены трудом». Существенно, что исследовательница проводит различие между понятиями «труда» и «работы». Труд в так называемой его специфике имеет дело с теми потребляемыми продуктами, которые обладают наименьшей степенью постоянства, едва переживая процесс своего изготовления. «Жизнь человека, — пишет Н.В. Мотрошилова, — здесь действительно и явно образует первое основание для труда. А значит, надо понять особенности человеческой жизни, поскольку она порождает, стимулирует, обуславливает труд-деятельность, которая уже со своей стороны обеспечивает именно коренные, исходные потребности самой жизни»¹⁹.

В полемике с марксистской оценкой труда, Х. Арндт показывает, что фактически понимая труд как «природнейшую из всех человеческих деятельностей», Маркс попал в плен глубоких противоречий. Она писала: «Даже Маркс, действительно определивший человека как *animal laborans*, работающее живое существо, перед убийственной очевидностью феноменов вынужден был признать, что производительность труда строго говоря начинается лишь с «опредмечивания», а именно с «создания предметного мира» и что никакое вложение труда не может освободить живое существо от необходимости все равно начать трудиться снова»²⁰. Так происходит ее критическое размежевание с марксистской концепцией труда. Арндт не согласилась с тем, чтобы считать труд своего рода моделью и мерилем, масштабом для анализа, понимания и проектирования общества.

Много неожиданного можно почерпнуть также при исследовании Ханной Арндт феномена власти. К. Ясперс считал, что тоталитарный режим, несмотря на свою мощь, сам создает условия для своей гибели. Насилие, внедряющееся во власть, отмечает Х. Арндт, в конечном счете разрушает власть и способствует ее утрате. При этом насилие и безвластие легко могут сочетаться, чем, по ее мнению, отличались некоторые формы тирании. Еще один неожиданный вывод, достойный раздумий: превращения власти, ведущие к тирании, охлократии и другим ее извращенным формам, как бы они ни прокатывались через всю человеческую историю, не выражают, по мнению Х. Арндт, существа власти.

Х. Арндт стремилась справиться с противоречием, которое, по словам Н.В. Мотрошиловой, присуще философии политики. Эта область знаний всегда находилась в радикальной оппозиции по отношению к власти, бичевала ее и искала возможности отмежеваться от нее. Вместе с тем философы неизменно вмешивались в политические процессы, причем не только в качестве теоретиков, но и практически. Так, Платон призывал философов «не ведать пути на площадь» (политики) и в то же время, три раза, с риском для жизни и свободы, ездил перевоспитывать наследственных (сиракузских) тиранов.

Ю. Хабермас, поддержавший некоторые тенденции философско-политических экспертиз Х. Арндт, в известной мере сравнивал ее значимость с учениями М. Вебера и Т. Парсонса. Завер-

¹⁹ Там же. С. 289.

²⁰ Арндт Х. *Vita active*, или О деятельности жизни. М., 2000. С. 131-132.

шая анализ работы Х. Арендт о деятельной жизни, Н.В. Мотрошилова пишет о том, что «новая социальная, цивилизационная онтология, основанная на непривычном для истории мысли принципе неотменимости трансценденталистских тезисов — и, следовательно, учета в социальной мысли следствий кардинальной философской реформы Канта, Гуссерля, Хайдеггера, — такая онтология пока не создана. Попытка ее создания у Х. Арендт по существу не была подхвачена и не нашла, вплоть до сегодняшнего дня, сколько-нибудь основательного, систематического продолжения»²¹.

Шестая глава книги посвящена новым встречам Хайдеггера и Арендт. Н.В. Мотрошилова пишет: «А финалом стали тонкие аккорды поздней жизненной осени каждого из них, отзвучавшие почти синхронно. А для тех, кто способен услышать музыку их Любви, переплетенной с многоголосным диалогом творчества и глубокой мысли, она звучит сейчас, прозвучит и в будущем»²².

В седьмой части книги речь идет о поздних этапах творчества Хайдеггера и Х. Арендт в свете проблемы бытия. Автор исследования отмечает, что теперь ясно обозначается действительная цель кантоведческой герменевтики Хайдеггера, соединяющаяся с более общей хайдеггеровской трактовкой всей истории философии от Античности до тех дней XX в., когда рождалось «Бытие и время»: мыслитель задумал «доказать», что буквально все важнейшие вехи исторического процесса развития философии (и важнейшая из них установленная именно Кантом), *свидетельствовали в пользу господства онтологии*, признаваемого открыто, четко или обозначаемого лишь смутно»²³. Но это у раннего Хайдеггера. В свете же «поворота» (Kehre) вырисовывается первоосновность не Dasein, а Sein — не бытия = сознания, а бытия широкого плана, объединяющего природу и человека, природу и историю.

Остановим читательское внимание на главе, в котором анализируется хайдеггеровское толкование «сущности техники». Н.В. Мотрошилова раскрывает исторический контекст, внутри которого рождались разные интерпретации этого феномена, говорили даже о демонизации, фетишизации техники. Хайдеггер, зная изнутри социальную и духовную ситуацию времени, решил ответить на сложившуюся социальную потребность. «Техни-

ка не то же, что сущность техники» — это мысль Хайдеггера. Вот что пишет по этому поводу Н.В. Мотрошилова: «Каким же должно стать «событие истины» применительно к сущности техники? Поиски ответа на этот вопрос, точнее, группу вопросов и составляет содержание анализируемого текста Хайдеггера. Особую, и заметную, часть рассуждения как раз и образует хайдеггеровское припадание к греческим истокам. Как и другие подобные «осовременивающие воспоминания» Хайдеггера о Платоне, Аристотеле и иных греческих мыслителях, обращения к их текстам у Хайдеггера — в связи с темой *techne* — блестящие, тонкие, интересные»²⁴.

Да, действительно наступила такая техническая эпоха, когда «раскрытие потаенного» превратилось в производство. Такая система современного технического использования природы, по мысли Хайдеггера, приводит к чудовищным результатам. До какой степени человек со своими силами способен на такое раскрытие потаенного? В 1986 г. под моей редакцией вышел сборник переводов западных авторов, в том числе и Хайдеггера, «Новая технократическая волна на Западе»²⁵. Вслед за этой хрестоматией в России стали появляться работы, посвященные философии техники.

Н.В. Мотрошилова справедливо отмечает, что применить абстрактные формулы Хайдеггера к истолкованию техники непросто. В наши дни очевидно, что техника обрела такие масштабы и полномочия, что угледеть в ее развитии «спасительное» становится сложно. Автор книги подытоживает: «Вот тут абстрактность, пренебрежение социально-историческими, социально-философскими возможностями анализа, невнимание также и к конкретной истории техники, оборачиваются и существенными теоретическими изъянами, и программными слабостями, например уже разобраным утопизмом»²⁶.

Техника как одна из возможностей реализации человеческих возможностей и пределов возвращает нас к философско-антропологической теме. Концептуальное осмысление человека сопряжено сегодня со сложными социальными и культурными процессами. Радикально меняется положение человека в космосе. «Во власти человека теперь не только

²¹ Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт. Бытие — время — любовь. М., 2013.

²² Там же. С. 374.

²³ Там же. С. 380.

²⁴ Там же. С. 398.

²⁵ Новая технократическая волна на Западе. Сборник переводов / Отв. ред. П.С. Гуревич. М., 1986.

²⁶ Мотрошилова Н.В. Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт. Бытие — время — любовь. М., 2013. С. 411.

громадное «расширение» его функций в господстве над ними, но и изменение самих свойств материального мира. Оказывается возможным изменять по желанию человека то, что всегда рассматривалось как неизблемое, неизменяемое, субстанциональное — элементарные частицы материи. Сегодня речь идет даже о «программируемой материи» в области нанонауки и нанотехнологий. «Искусственный атом» или «квантовая точка» — это электронное облако, способное «захватывать» электроны и удерживать их в малом пространстве. Из такого рода «искусственных атомов» можно создавать материалы с заданными свойствами. Если необходимо изменить материал, то такие его свойства, как цвет, прозрачность, теплопроводность, магнитные свойства могут изменяться в реальном времени. Можно создавать и материалы, которых не существует в природе. Такие перспективы развития науки и техники пока даже трудно поддаются осмыслению»²⁷.

На философскую интерпретацию человека оказывают воздействие установки потребительского общества. Внутри нынешней культуры функционирует фабрика желаний, параноидальное стремление к наслаждению и его изыскам. Эту особенность современного общества хорошо раскрыл американский фантаст Роберт Шекли в романе «Бессмертие»²⁸. Землянин попадает на неизвестную планету и здесь впервые сталкивается с понятием, которое было ему неизвестно. Житель этой планеты объясняет: ««Трансплант» — это новая игра, при которой участники меняются местами. Может быть, ты устал от жизни? Думаешь, что испытал все удовольствия? Не торопись с выводами, пока не попробовал трансплант. Видишь ли, фермер, знающие люди утверждают, что обычный секс — это слишком скучно. Пойми меня правильно, он хорош для птичек, пчелок, зверей и прочих существ, у которых мало воображения. Он все еще волнует их простые звериные сердца, и можем ли мы винить их в этом? Да и для размножения секс остается главным и лучшим средством. Но если хочешь получить настоящее удовольствие, попробуй трансплант. Трансплант — игра демократическая, ребята. Она дает нам возможность переселиться в тело кого-то другого и испытать его ощущения. Она даже поучительна и продолжается там, где заканчивается

секс. Тебе хотелось когда-нибудь побывать на месте темпераментного латинянина и испытать его чувства, приятель? Трансплант предоставляет такую возможность. Тебе не приходило в голову, что испытывает настоящий садист? Опять же обратись к транспланту. И ты сумеешь испытать еще много разных ощущений, очень много! Например, зачем всю жизнь оставаться мужчиной? Ты уже сумел доказать свою мужественность, зачем еще понапрасну стараться? Разве не интересно некоторое время побыть женщиной, а? С помощью транспланта можно пережить потрясающе приятные моменты в жизни наших специально подобранных очаровательных девочек»²⁹.

Оказывается, далеко не все низменные потребности человека взяты на учет, испробованы и стали предметом особого вождления: «При транспланте ты не смотришь, нет, ты сам находишься внутри того тела, которое выбрал, ощущаешь движение мускулов, трепет нервов, все его восхитительные эмоции. Представь себе, фермер, что ты превратился в тигра и гонишься за тигрицей в период спаривания, а? У нас есть тигр, и тигрица тоже. Неужели тебе никогда не хотелось испытать ощущения садиста, некрофила, фетишиста и других. Трансплант поможет тебе. Наш каталог тел, в которых можно оказаться, разнообразнее энциклопедии»³⁰.

Круг тем, затронутых в монографии Н.В. Мотрошиловой, значителен. Осознаю, что мой первый отклик на эту грандиозную работу мог бы быть более аналитичным. Но мне хотелось прежде всего необычность самого труда, который может служить эталоном для современного историко-философского исследования: глубина погружения в тему, четкая авторская позиция, трепетное отношение к теме негаснущей любви, — все это придает изданию особую ценность. Как счастливый обладатель дарственного экземпляра книги я намерен еще вернуться к отдельным сюжетам этого труда, чтобы обеспечить необходимую теоретическую диалогичность. Темы человека, человеческого бытия, сущности техники и политики, анализ граней человеческого бытия близки мне и я, надеюсь, что труд Н.В. Мотрошиловой сам по себе станет программным в реализации многих исследовательских задач.

В работе Н.В. Мотрошиловой не получила рассмотрения последняя и наиболее значительная работа Х. Арендт «Жизнь ума». Это оригинальное

²⁷ Рюмина М.Т. Парадигма конструктивизма и проблема человека в современной культуре // Полигнозис. 2012. № 4. С. 86.

²⁸ Шекли Роберт. Корпорация «Бессмертие». Рассказы. М., 2000.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

философское исследование в собственном смысле слова, масштабная и увлекательная попытка представить всю западную традицию, в рамках которой исследуется понимание ума в основных его проявлениях — Мышления, Воления и Суждения. Х. Арндт успела завершить работу

только над текстом третьего тома — Суждение — ее настигла смерть. Некоторое представление о замысле этой части можно составить по подготовительным материалам — «Лекции по политической философии Канта», фрагменты из которой вошли в Приложение.

Список литературы:

1. Арндт Х. *Vita active, или О деятельности жизни*. М., 2000.
2. Вебер А. *Избранное: Кризис европейской культуры*. М.-СПб, 2012.
3. Гуревич П.С. *Политическая психология*. М.: Юрайт, 2013.
4. Круглый стол «Власть и реальность» (Ведущий П.С. Гуревич) // *Вестник аналитики*. 2010. № 2. С. 89-111.
5. Мотрошилова Н.В. *Мартин Хайдеггер и Ханна Арндт. Бытие — время — любовь*. М., 2013.
6. *Новая технократическая волна на Западе. Сборник переводов / Отв. ред. П.С. Гуревич*. М., 1986.
7. Рюмина М.Т. *Парадигма конструктивизма и проблема человека в современной культуре // Полигнозис*. 2012. № 4. С. 86.
8. *Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1*. М., 1989.
9. Хайдеггер М. *Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления / Сост., перевод В.В. Библихина*. М., 1993.
10. Яковлев В.А. *Сакральное триединство бытия // Философия и культура*. 2013. № 6. С. 746-765.

References (transliteration):

1. Arendt H. *Vita active, ili O deyatel'nosti zhizni*. M., 2000.
2. Veber A. *Izbrannoe: Krizis evropeyskoy kul'tury*. M.-SPb, 2012.
3. Gurevich P.S. *Politicheskaya psihologiya*. M.: Yurayt, 2013.
4. Kruglyy stol «Vlast' i real'nost'» (Veduschiy P.S. Gurevich) // *Vestnik analitiki*. 2010. № 2. S. 89-111.
5. Motroshilova N.V. *Martin Haydegger i Hanna Arendt. Bytie — vremya — lyubov'*. M., 2013.
6. *Novaya tehnokraticeskaya volna na Zapade. Sbornik perevodov / Otv. red. P.S. Gurevich*. M., 1986.
7. Ryumina M.T. *Paradigma konstruktivizma i problema cheloveka v sovremennoy kul'ture // Polignozis*. 2012. № 4. S. 86.
8. *Fragmenty rannih grecheskih filosofov. Ch. 1*. M., 1989.
9. Haydegger M. *Chto takoe metafizika? // Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya / Sost., perevod V.V. Bibichina*. M., 1993.
10. Yakovlev V.A. *Sakral'noe triedinstvo bytiya // Filosofiya i kul'tura*. 2013. № 6. S. 746-765.